

Интересно, как чувствуют себя мужчины, когда узнают, что 8 Марта женщины дарят подарки друг другу и сами себе?

И с чего они отсчитывают весну, если Масленица — пока не вежа? Впрочем, один из вариантов: «Грачи прилетели». Могли бы, милые, и не улетать. Бабочки проснулись, ищут новых Набоковых. Сделайте подарок, принесите в «Университетскую газету» первые литературные опыты! Только пальто оставьте в гардеробе — если можете. Подарок в исполнении воспитанного мужчины ближе к сердцу.

Бабочки проснулись, цветы подскочили в цене. Когда товар покупаешь редко, ускользает поэзия названий.

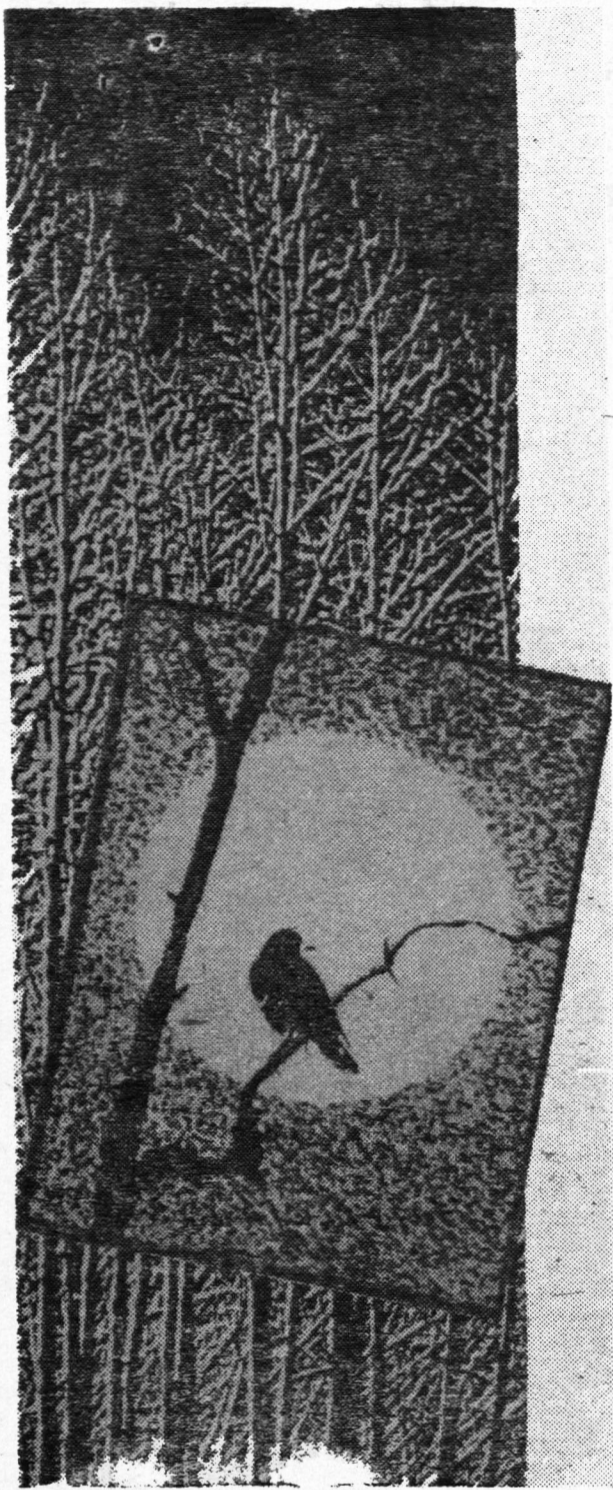
— Люда, как называются эти красивые цветы?

— Ге-ор-ги-ны.

Цикламены отходят, подоспели антуриумы. Продолжается Великий Пост.

Говорят, когда пишешь икону, лучше не пить ни чай, ни кофе. Чтобы телу не потакать и на чужом образе сосредоточиться. До образов икон редко дотягиваем. Вы делайте с нас негативы. И тона белого больше станет, и поститься почти не придется, — ну разве столько, чтобы грань приличия не перейти... Одежды белые, красивые даже на ветру: обещают плюс десять.

Мы согласны на телеграммы, улыбки и гитарные посвящения. На уступленное место и поднесенный чмодан. На добрую весть. Грачи прилетели? А вы говорите — не праздник...

Но была ли на самом деле Эта встреча в Летнем саду В понедельник, на Вербной неделе. В тысячу двадцать первом году? Я пришла не в четверть второго, Как условлено было, а в пять. Он с улыбкой сказал: — Гумилева Вы бы вряд ли заставили ждать. Я смутилась. Он поднял высоко Чуть прищурившись, левую бровь. И ни жалобы, ни упрека. Я подумала: это любовь. Я сказала: — Я страшно жалею, Но я раньше прийти не могла. Мне почудилось вдруг — на аллею Муза с цоколя плавно сошла. И, бела, холодна и прекрасна, Величаво прошла мимо нас, И все стало до странности ясно В этот незабываемый час. Мы о будущем не говорили. Мы зашли в Казанский собор... И потом в эстетическом стиле Мы болтали забавный вздор. А весна расцветала и пела. И теряли значение слова. И так трогательно зеленела Меж торцов на Невском трава.

«РОДИЛАСЬ Я В РИГЕ»

Живя за рубежом, Ирина Одоевцева — одна из старейших русских литераторов, знавшая Блока и Гумилева, Есенина и Маяковского, Северянина и Бунина, Рейснер и Цветаеву, — французского гражданства так и не приняла. — До первой мировой войны я Ригу не любила. Совсем ее не знала. Однажды, около 1904 года, у нас в доме целый день пробыл Сережа Эйзенштейн. Он увлеченно читал мне книгу «Принц и нищий», это чтение запомнилось на всю жизнь. Но сейчас отношение изменилось. Рига дорога мне как город

детства и юности. Мы с мужем не раз гостили у моего отца, летом жили на даче в Сосновом (ныне Приедаине — С. Ж.). Бывая в Риге, Г. Иванов очень интересовался ее жизнью, бытом и нравами старого русского населения, жившего в основном в Московском форштадте. Природа Латвии нас очаровала. Рижское взморье забываемо. Такой чудный песок, как на его берегу, — наверное, только в Бельгии.

«НАША СЕМЬЯ БЫЛА СОСТОЯТЕЛЬНОЙ»

Я этого даже стыдилась перед подружками, — вспоминает И. Одоевцева (Иранда Густавовна

Гейнике). — Нарочно протирала дырки на локтях, но... платья мои сейчас же заменяли. А уж заплатка на сапожке, поярче, по заметней, была просто мечтой. Я ведь тогда не могла представить, что мне чего-то может не хватить...

Отец — видный адвокат, часто ездил в Петербург и меня брал с собой. В начале войны мы переехали в Петербург.

Революция... Мне было 22 года. Я сама разрисовала плакатки «Долой войну!», надела красную шапочку, чтобы расклеивать их на улице, но, конечно, родители меня остановили. Мой отец, либерал, паоловину революцию принимал. Но он страшно возмутился, когда однажды к нам в гости пришел знакомый прокурор с красным бантом на груди. Тогда многие чиновники надели красные банты, демонстрируя верность революции, хотя в душе ненавидели ее.

После революции отец вернулся в Ригу, куда в 1922 году приехала и я. Так началась наша эмиграция с Георгием Ивановичем (И. Одоевцева стала женой поэта в сентябре 1921 года — С. Ж.): дальше были Берлин, Париж... Но никогда больше не повторилось такое ощущение полноты жизни, как в те годы в Петербурге.

Латышского языка я не знала. Помню только «лаба рока» — правая рука. Русского и немецкого языка в Риге было вполне достаточно. Статьи, разбогатевшие латышши старались говорить по-немецки, а многие немцы с латышами нарочно объяснялись по-латышски, чтобы они «не выучили язык господ». В детстве я изучала также английский и французский

Латвийский университет, латвийская славистика понесли тяжелую утрату — на 66-м году жизни скоропостижно скончалась Лидия Ивановна Немцева — доцент, кандидат филологических наук, один из лучших и опытейших преподавателей филологического факультета. Участник Великой Отечественной войны, ветеран труда, Л. И. Немцева большую часть своей прекрасной жизни посвятила Латвийскому университету — многие годы она была заведующей кафедрой русского языка, затем заместителем декана филологического факультета. Многие поколения

студентов осваивали премудрости исторической лингвистики под чутким и терпеливым руководством Лидии Ивановны. Плоды этой работы — сотни курсовых, десятки дипломных работ, кандидатские диссертации. До последних дней жизни Л. И. Немцева работала доцентом кафедры русского языка, продолжала научную деятельность: рецензировала диссертации, редактировала сборник научных работ... Безвременная, внезапная кончина Лидии Ивановны — невосполнимая потеря для всех, кто знал ее. Светлая память!

Говорят, движение студенческих стройотрядов приходит в упадок. Говорят, жилье в стране строить некому. Так вот, по данным МЖК, трудоемкость строительства одной квартиры — в среднем 120—150 человеко-дней, норму можно сделать месяцев за пять—семь. Это три—четыре летних трудовых семестра...

В ДРУГИХ ВУЗАХ

Не только диплом о высшем образовании, но и сберкнижку получают некоторые выпускники Челябинского института механики и электрификации сельского хозяйства. А деньги они зарабатывают на практике. В институте разработан так называемый бессессионный метод обучения. За счет исключения из учебного процесса экзаменационных сессий и некоторого сокращения теоретических занятий удалось увеличить практику на 7—8 недель. Будущие специалисты сельского хозяйства получили возможность выезжать на практику уже к началу весенне-полевых работ и быть там от посева до уборки урожая. Действуя «по науке», студенты получают отличные урожаи. В отдельных случаях средний студенческий заработок достигает 2—2,5 тысяч рублей.

Одно из самых ярких событий политического года в Московском университете — появление независимой публицистики. Это «Гайд-парк» — несколько фанерных информационных щитов, на которых каждый желающий может поместить любой материал, соответствующий его жизненной позиции. Условие одно: анонимки не принимаются. И еще группа «Гайд-парк» не дает интервью подцензурной печати и в подцензурных изданиях не печатается: последняя многое замалчивает, считает группа. Поэтому любое сотрудничество с ней, точнее говоря, даже любое действие, выглядящее как сотрудничество, вплоть до публикации какого-нибудь безобидного трепа про лошадиный год, воспринимается как бесчестный поступок.

На геофаке МГУ в результате перерегистрации из 1170 комсомольцев вновь стали членами ВЛКСМ около 500 — чуть больше трети. Причем, более 70 процентов «вновь комсомольцев» руководствовались принципом «кабы чего не вышло», — считает секретарь комитета комсомола факультета.

Redakcija atgādina, ka domas, ko paūz rakstu autori, ne ikreiz saskan ar redakcijas viedokli. Par faktiem un skaitļiem atbild publikāciju autori.

языки, в то время все господа говорили на этих языках. В ресторанах кое-где красовались вывески: «Уважаемых господ евреев просим нас не посещать». Некоторые улочки и переулочки «для господ евреев» были закрыты.

«ЛИТЕРАТУРА ОТКРЫЛА МНЕ ЦЕЛЫЙ МИР»

Тепло и уважительно относился ко мне живший в Риге известный литературный критик П. Пильский. Он переписывался с Бальмонтом, Буниним, Куприним, Немировичем-Данченко, Амфитеатовым... Пильский в редакции рижской газеты «Сегодня» однажды мне говорил: «Северянин забрасывает меня стихами — я посылаю ему деньги, чтобы он не присылал стихов, пенсию, чтобы не писал. У нас уговор: пришлет стихи — не получит денег...». В тот день в редакции были еще два не известных мне человека. Прислушиваясь к рассказу, один из них презрительно заметил: «Он у меня когда-то служил рядовым. Этот ваш Северянин никак не мог научиться ходить в ногу. Я до хрипоты кричал ему команду, спрашивал: «Что ж тебе еще кричать? Сено—солома?! Но так и не смог научить его маршировать. Сделал его уборщиком».

В жизни Игоря Северянина я впервые увидела в Берлине, в одной из русских литературных сто-

лиц за рубежом. Было это на каком-то балу. Но он мне не понравился: был он очень некрасив, падут. Жена его была одета простенько, в отличие от других пришла не в балльном платье. Вдруг подходит ко мне один знакомый и говорит: «Хотите познакомиться — это Северянин». Я кивнула. Он ушел и вернулся с ответом: «Северянин сказал: «Женщины сами подходят ко мне знакомиться». Я подумала: «Ну и сиди себе!»

Познакомилась, я попросила почитать стихи — его чтения я никогда не слышала. Северянин вдохновенно прочел несколько стихотворений, некоторые — нараспев. Потом он откровенно рассказал мне о своей судьбе. Чувствовала, что он ищет душевного тепла, сочувствия и понимания. Говорил долго, рассказал едва ли не всю свою жизнь. Жаловался на бедность: «Теперь меня кормит рыба-эстонка. Я женат на его дочери». Он уважает меня за то, что я бывший офицер, дворянин. Никому нет дела до того, что я поэт. Поэзия никому не нужна. Выезжаю ночью на лодке, сижу один на озере, читаю стихи звездам...».

До сих пор я его жалею и интересуюсь его поэзией.

ПЕРЕДАЙТЕ БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ РИЖАНАМ, МОЕМУ РОДНОМУ ГОРОДУ...

Подготовил Сергей Журавлев

Mirkļis maigais № 18

SOVERŠENNO SEKRETNŌ

Nenoliedzami, vēsturē vēl saglabājušies baltie plankumi. Mūsu pienākums tos aizkrāsot.

Sodien, atdodot godu, publicējam nepelnīti noklusēto biogrāfijas lappusi no legendārā padomju izlūka Isajeva trauksmainā liktenstāstā. Jums tiek dota iespēja iepazīties ar kādu aizkustinošu tikšanos. Te pirmoreiz skatīsim pārmij divi neredzamās frontes cīnītāji — staltais izlūks Stīrlīcs un maigā radiste Katjuša.

Ja mūsu lasītāji izrādīs lielu atsaucību «Universitātes Avīzes» lasīšanā, līdzēsīm aizkrāsot arī pārējos plankumus biedra Stīrlīca biogrāfijā, ielūkojoties apkārtklejojošajos slepeno arhīvu materiālos.

Tikšanās ar jauno radisti bija norunāta pludmalē. Iepriekšējās cīņu biedrenes nejauši bija aizgājušas dekrētā, tādēļ tika nosūtītas uz Mazo zemi. Stīrlīcam radistes ļoti pietrūka. Tāpēc Centrs nolēma sūtīt jaunu.

Lai neplesastītu lieku uzmanību, Stīrlīcs pieņēma lēmumu nestaigāt uniformā pa pludmali. Viņš izģērbās un devās nopeldēties. Pēc stundas, paskatījis pulksteņi, izlīda no ūdens, iegāja kabīnē, izžmiedza savas ģimenes apakšbikses un sakemējās.

Viņš gāja pa pludmali, dungodams «Internacionāli», kā bija norādījis Centrs. Starp daudzajām meitenēm viņš meklēja krievu radisti. Stīrlīcs palāvās uz gadiem izstrādāto intūciju. Tā viņu nekad vēl nebija pievilusi.

Lūk, tur jau viņa stāvēja — uzkrītoši sarkanā peldkostīmā ar zvaigzni uz kreisās krūts, labo atbalstījusī pret alus kioska lētī. Labajā rokā viņa turēja avīzi «Pravda», bet kreisajā — čemodāniņu ar rāciju un šifona kleitu.

Izlūks uzsvērti neuzkrītoši apgāja apkārt alus kioskam, lai pārliecinātos, ka tuvumā nav «aste». Viņam nebija tiesības riskēt ar jaunās aģentes dzīvību.

Radiste Stīrlīcam iepatikās. Ļoti.

— Vi ne skazitje, kotorij čas? — jautāja Stīrlīcs. Tā bija parole.

— Ja ostavila časi v Moskve,³ — gatavībā atbildēja radiste.

Stīrlīcs paņēma viņu zem elkoņa, un abi aizgāja pastaigāties pa pludmali.

— Pozagorajem?⁴

Radiste kivnula.⁵

Viņi aizpeldēja līdz bojām, pasaulojās, pačaloja par laika apstākļiem Maskavā, un nosūtīja radiogrammu uz Centru. Stīrlīcs izstāstīja pāris jēlu anekdošu. Viņa delikāti pasmejās. Tad Stīrlīcs uzaicināja meiteni uz restorānu.

— Odu minutu, ja toļko pereodenusj!⁶

Viņš iebrauca mājā un tieši pēc minūtes iznāca no tās vēl siltā, tikko gludinātā frakā. Kopš 1939. gada tas Stīrlīcam gadījās pirmo reizi.

Kad viņš kopā ar dāmu iegāja restorānā, zālī pāršalca neparastā stenona. Ar pusieliektiem ceļgaliem klāt pielēca oficiants.

— Jums kā vienmēr, Stīrlīca kungs? Karafītū vodikas un tušonkas bundžu?

Stīrlīcs nollecās pie radistes:

— Hočeš tušonki?⁷

Viņa noraidoši papurināja galvu.

— Nelietī! — izgrūda Stīrlīcs. — Tu ko, cūka, neredzi, ka esmu kopā ar dāmu?

Lai vērstu par labu savu neveiklību, oficiants neģēlīgi iekīpinājās un nekītrā tonī pajautāja:

— Jums atkal jauniņa?

— Jā, jauna radiste, — teica Stīrlīcs. Viņš paņēma no dāmas ēdienkarti un ar netīru, apkodelētu nagu pārbrūca pār ēdienu nosaukumiem.

— Mums šo... un vēl...

— Saprātu, — zinoši smīnēja oficiants, aizskriedams uz virtuvi.

— Ko tu saprati, nelietī?! — Stīrlīcs noklīdza viņam pakal un vērsās pie radistes. — Oficianti v Germaņi! takije svinji.⁸

Un Stīrlīcs noskūpstīja radistei roku.

Zālē visi sēdēja atplestām mutēm. Pakistānas spiegs filmēja šo satriecošo notikumu ar kinokameru. Stīrlīcs pasūtīja vāsi «Amūras viņi» un uzlūda radisti uz deju. Tikmēr visa zāle gaidīja kautiņu. Taču Stīrlīcs pavādīja dāmu uz vietu. Kautiņa kā nebija tā nebija. Restorāna pastāvīgie apmeklētāji tapa pavisam šokēti, kad Stīrlīcs samaksāja arī rēķinu, un devās uz izeju, galanti pasniedzis dāmāi roku.

Izlūks pieturēja mašīnu pie mājas, ko bija noīrējis savai jaunajai darbiniecei.

— Kuda deķ eto?⁹ — jautāja radiste, paceldama smago čemodānu ar rāciju.

— Polož na antreso!¹⁰ — maigi noteica Stīrlīcs. — A ja svarju kofe.¹¹

Radiste aizgāja uz istabu, pārģērbās sakarnieku leinanta formas tērpā, piesēdās pie galda, izņēma naganu un, izjaukusi to, sāka tīrīt.

Ienāca Stīrlīcs ar paplāti un nosēdās pretim. Sieviete jaunais tērpis viņu patīkami satrauca. Padzēruši kafiju, viņi paklausījās Čaikovska mūziku.

— Nu, mne pora,¹² — Stīrlīcs kļuva steidzīgs. Bet iet viņam nekur negribējās. Viņš vilka laiku.

— Nu, ja pošol. A možet ješčjo kofe?¹³ — pārjautāja Stīrlīcs, biks kā pirmās klases skolnieks.

Radiste kivnula¹⁴ un viņš palika.

— Kak vas zovut?¹⁵ — ieinteresējās Stīrlīcs.

— Katja.¹⁶

— Katjuša, značit. Horošjeje imja. Cisto ruskoje. A menja Stīrlīc.¹⁷

Viņš nosvērtā gaitā pienāca pie loga un cieši aizvilka tumši sarkanos plīša aizkarus. Stīrlīca trenētā intūcija vēstīja, ka sāksies uzlūdojums.

Pēc 9 mēnešiem Centrs izsūtīja Stīrlīcam jaunu radisti.

¹ «Laisnība».

² Vai jūs nepateiktu, cik ir pareizs laiks?

³ Esmu atstājusi pulksteni Maskavā.

⁴ Saulosimies?

⁵ ... piekritoši pamāja.

⁶ Vienu minūti, es tikai pārģērbšos!

⁷ Vai gribi liellopu gaļu?

⁸ Oficianti Vācijā ir tādi sīveni.

⁹ Kur likt šo?

¹⁰ Uzcel uz antresola.

¹¹ Es uzvārišu kafiju.

¹² Man laiks iet.

¹³ Es nu iešu. Varbūt vēl kafiju?

¹⁴ ... piekritoši pamāja.

¹⁵ Kā jūs sauc?

¹⁶ Katja.

¹⁷ Katjuša, tātad. Labs vārds. Krievisks. Bet mani sauc Stīrlīcs.

Redaktors AIVARS JANSONS

Iespiests Latvijas izdevniecību, poligrāfijas un grāmatu tirdzniecības ražošanas apvienības RA «Poligrāfists» 4. cehā, 226700, Rīgā, Akas ielā 5/7. Tirāža 1500 eks., augstspiede. Redakcijas adrese: pasta indekss 226098, Raiņa bulv. 19, 121. ist., 3. stāvā, tālr. 222944.

«Universitātes avīze» («Университетская газета»), издание Латвийского университета. На латышском и русском языках. Адрес редакции: 226098, г. Рига, бульв. Райниса, 19, 3 этаж, комната 121. Телефон 222944.